

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЭМЫ «КРЫСОЛОВ» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В развитии современной культуры наблюдается существование двух противоположных тенденций. С одной стороны действуют процессы интегративные, а именно: межкультурное взаимодействие и единение национальных культур, преодоление длительного противостояния Запада и Востока, не только в политической, но и в культурной жизни. Расширение дипломатических, информативных связей – все это способствует сближению народов и их культур. С другой стороны в наше время особенно остро встали проблемы сепаратизма, национализма и шовинизма. Современная мировая культурная ситуация предопределяет особую актуальность исследования вопросов культурных связей, изучения этих связей во всех пластах культуры. Сочетание и взаимообогащение различных культур наиболее полно выражается в произведениях искусства и в литературе.

Интерес к творчеству Марины Цветаевой не только не ослабевает со временем, но и возрастает в наши дни. Темы и сюжеты литературного наследия великой поэтессы сохраняют свою привлекательность и актуальность спустя семьдесят лет после смерти Цветаевой, обращают к себе взоры исследователей из разных областей науки: культурологов, филологов, лингвистов.

Личность Цветаевой, ее жизнь и творчество – яркий пример слияния многих культур и достижений этих культур в гении поэзии. «Страсть к каждой стране, как к единственной — вот мой Интернационал. Не третий, а вечный»¹ - так категорично, со свойственной ей страстностью и силой высказываний, говорила Цветаева о собственном отношении к культурам других народов. В творчестве Цветаевой прослеживается установка на «открытость» восприятия иной культуры и синтетическое творчество на стыке двух культур. Однако нельзя утверждать, что в ее сердце отзывались с равной силой все европейские страны и их культуры. Несомненно, особое место в жизни и творчестве русской поэтессы отводилось Германии. О своей любви к Германии Цветаева писала: «От матери я унаследовала Музыку, романтизм и Германию Просто – Музыку. Всю себя»². Для Цветаевой Германия – страна-музыка, страна детства. «Во мне много душ. Но главная моя душа – германская»³. Свободное употребление немецкого языка, стихи с вкраплениями немецких слов и словосочетаний, образы и герои немецких легенд, в целом немецкая культура – все это говорит о постоянно присутствующей теме Германии в творчестве Цветаевой.

Цветаева всю жизнь прожила на стыке немецкой и русской культур. Этому подтверждение мы находим и в стихотворных произведениях и в прозаических. А эпистолярное и дневниковое наследие великой русской поэтессы не оставляет возможности даже в этом сомневаться. Различными средствами Цветаева вводит в свои произведения немецкую окраску.

¹Цветаева М.И. Полн. Собр. Соч. В 7 тт. – М., 1994. – Т. 4. – С. 554.

²Цветаева М.И. Полн. Собр. Соч. - Т. 4. - С. 546.

³ Там же. - С. 549.

Неповторимое создание межкультурного пространства, соединения русского языка и немецкой культуры, во всем мастерстве проявилось в поэме «Крысолов». Именно «Крысолова» можно считать квинтэссенцией синтеза русской и немецкой культур.

Поэма «Крысолов», благодаря своей гениальности, неоднократно становилась предметом разностороннего изучения филологов и лингвистов. В большинстве случаев предметом научного анализа становились внутренний строй поэмы, ее монологизм и полифонизм, художественный мифологизм, а также аллегории и политический подтекст⁴. Однако специального исследования, посвященного синтетичности цветаевского творчества, проблеме создания межкультурного пространства в поэзии посредством языка и литературных образов, не существует.

Создание межкультурного пространства в поэтическом произведении – задача непростая, но такой мастер слова, каким была Цветаева, справляется с ней блестяще. В своей поэме она создает такое пространство, которое заставляет читателя не только поверить, что действия разыгрываются в немецком городке, но и погрузиться в события, проникнуться и образом жизни и языком гаммельнцев.

События, описанные Цветаевой в поэме – это не только захватывающий пересказ легенды, но, по замечанию самой поэтессы, вневременное противостояние быта и искусства, вневременная борьба ограниченности и таланта. В «Крысолове» происходит «детемпоризация» средневекового пространства «за счет сосуществования в нем «гусиных перьев и будильника, ратуши и женского клуба, банка»⁵.

Цветаева с первых строк поэмы вводит читателя в национально окрашенный мир, не только описывая город Гаммельн («Стар и давен город Гаммельн? // Словом скромн, делом строг, // Верен в малом, верен в главном: // Гаммельн - славный городок!»), но и употребляя подлинно немецкое слово «бургомистр», без перевода, но всем понятное, задающее сразу тон и тональность всей поэме:

- Не подойду и на выстрел! –
На своего бургомистра⁶.

Город грядок –
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных, - Рай -
город...

- Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

⁴ См. например: Викулина Л.А., Мещерякова И.А. Творчество Марины Цветаевой: (Проблемы поэтики). — М, 1998; Осипова Н.О. Поэмы М. Цветаевой 1920-х годов: проблемы художественного мифологизма. - Киров, 1997; Подлубнова, Ю.С. Метажанры в русской литературе 1920 - начала 1940-х годов (Коммунистическая агиография и "европейская" сказка-аллегория) : Дис. ... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2005.

⁵ Осипова Н.О. Поэмы М. Цветаевой 1920-х годов: проблемы художественного мифологизма. Киров, 1997. - С. 38.

⁶ Цветаева М.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 3. – С. 51.

Эффект достигается языковыми средствами: употреблением немецких (без перевода и транслитерации) слов и фраз, причем эти слова и фразы в немецком языке являются устойчивыми словосочетаниями («Morgen ist auch ein Tag», «Zuviel is ungesund»), транслитерации немецких слов, что очень «онемечивает» текст. Бургомистр, бюргерша, ратсгерр, тугендбунд, штурм унд дранг и т.д. – эти слова не имеют значения в русском языке, но Цветаева их употребляет согласно законам русской орфографии. Транслитерация немецких слов представляется в «Крысолове» цветаевским словотворчеством. Цветаева, подобно жонглеру-футуристу Василию Каменскому, играет словами, сплетает из них канву, на которую ложатся образы, насквозь пронизанные немецким духом:

Гул да балл.
 Гунн да галл.
 (Спутал - влет).
 Галл да гот.
 Гот да галл.
 - Слишком мал -
 Гунн да гот,
 - Бутерброд.

Цветаева творит дух немецкой культуры, представляя образец творческого восприятия другой культуры, синтез культур. В едином текстовом контексте сосуществуют и дополняют друг друга, внося эмоциональность, напряженность и неповторимость стихотворной речи, с одной стороны немецкие образы и лексика, а с другой – русский язык и его выразительность.

С чисто русским ударением, напевностью и словотворчеством Цветаева описывает город Гаммельн. Здесь, над языком и сюжетом, над создаваемой картиной мира, возносится песенность русского языка, с которой сочетается подлинное немецкое словотворчество:

Рай-город, пай-город, всяк-свой-пай-берет, -
 Зай-город, загодя-закупай-город...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
 Царь-город, старшему-уступай-город...

Без пожаров -
 город, благость-
 город, Авель-
 город. - Рай-
 город...

Такая нерасчлененность русского и немецкого языков в поэме «Крысолов» приводит к необыкновенной силы выразительности и воздействию на читателя.

Цветаева рифмует слова русские и немецкие, создавая новое пограничное культурное пространство. Подобное двуязычие гармонично, и оно вписывается в повествование и строй поэмы:

Су - дари, выпрягайте слуг!
 Тру - бочку вытрясай, досуг!
 Труд, покидай верстак:
 Morgen ist auch ein Tag!

Эмоциональность, избирательное отношение к действительности дают возможность Цветаевой более ярко и определенно выразить себя, свою сущность, быть не только отображающим, но и отображаемым. Читатель, сталкиваясь с действительностью, отбирает то, что созвучно его душевному складу. В художественном творчестве очевидно самовыражение индивидуальности «творца», в каждом произведении мы видим лицо автора. Цветаева, свободно владевшая немецким языком, не разделяла в поэтическом потоке русский и немецкий языки. И теперь, в наше время, когда знание иностранных языков считается скорее особенностью, нежели закономерностью, особенно сильное впечатление двуязычные стихотворные строки производят на тех читателей, которые, так же, как и поэт, владеют немецким языком в большей степени, чем просто умением разобрать по буквам иностранное слово.

В подобном сочетании русского и немецкого языков Цветаева насильно выводит читателя из рамок одной культуры, заставляя «открываться» навстречу другой так, как открыта она сама. И в этом синтезе двух языков и двух культур проявляется талант и мастерство поэта, его способность быть проводником в мир чужой культуры.

Зачастую строки поэмы звучат как разговорная речь, когда рядом с русским словом стоит более точное (как кажется произносящему) его повторение в иностранном языке. Так, например, Цветаева как бы уточняет свое русское «в меру» немецким «Im rechten Mass»:

В меру! Im rechten Mass
Верный обманет глаз.
В царстве - давно - химер –
Вера и глазомер.

Всех мест поэмы, в которых поэт проявляет свой талант в создании немецкого колорита, инокультурного пространства, не перечислишь, поскольку пришлось бы цитировать всю поэму. Читатель, погружаясь в чтение «Крысолова», не пропустит и уловит и глазом, и ухом, и сердцем то нерасчлененное единство русской и немецкой культур, которое заложила М. Цветаева в свое неповторимое произведение. Немецкий язык и немецкая культура кажутся ближе и роднее после строк «Крысолова».

«Крысоловом» Цветаева выводит читателя на границу двух культур, в пространство двух культур, русской и немецкой, заставляя на время прочтения поэмы жить обеими культурами, соединив их в своем сердце.